

ГНОЗ

■ РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Какие-то взрослые мешаются под ногами

В роли отца — кинорежиссер Александр МИТТА, создатель знаменитых фильмов «Звонят, откройте дверь», «Гори, гори, моя звезда», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «Экипаж». В роли сына — Евгений МИТТА, живописец, дизайнер, художник кино и театра.

— Александр Наумович, ваши первые фильмы — «Друг мой, Колька!», «Точка, точка, запятая» — о подростках. Так или иначе — о взаимоотношениях поколений. Вы сами в детстве ощущали конфликт между поколениями?

А. МИТТА: Видимо, выбор темы объяснялся ощущением «недокормленного» детства. Я лишился матери в четыре года. В 37-м ее отправили в лагерь. А в 41-м я попал в детдом, пока отец в Сибири обустраивал танковый завод. Через два года отец меня из детдома вытаскил, но и тогда я его практически не видел: он был начальником цеха и работал от зари до зари. Я был лишен всего того, что люди получают в нормальной семье, но мне это казалось совершенно естественным — другой жизни я не знал. И когда приходил в «укомплектованные» родительскими дома своих друзей, то думал: «Боже, какой ужас! Какие-то взрослые мешаются под ногами». Отсюда мне понятно желание молодых жить отдельно. Хотя это абсолютно вне русской традиции — семьи у нас всегда жили вместе. Позже я стал понимать, как гармонично живут такие семьи.

— Воспитывая сына, вы, наверное, хотели, чтобы у него все было иначе?

А. М.: У Жени все отчасти и было иначе — у него мать очень умная. Но я, к сожалению, повторил путь своего отца. То есть почти всю жизнь провел на работе. С тех пор как я закончил ВГИК и в 61-м, счастливый, снял первую картину, тридцать лет жизни как короля языком слизнула. Когда этот мир вдруг развалился (с начала 90-х не снимаю) — я растерялся. Но, осмотревшись, понял, что люди живут гораздо интереснее: столько жизненных впечатлений, сколько получил за те годы, пока не снимаю, я не получал за всю свою жизнь.

— Жень, а вы страдали от отсутствия общения с отцом?

Е. М.: Не сказал бы. Я с детства был в курсе его дел, а друзей родителей воспринимал как своих собственных.

А. М.: Когда в доме бывал Володя Высоцкий, Жень, естественно, считал его таким же своим другом, как мы. А то, что он станет художником, наметилось еще в детстве: он все время рисовал, и ему не мешали. Потом поступил во ВГИК, но понял, что это — не его, и перевелся в Академию художеств. Учился в мастерской Салахова.

Отцы себя исчерпали?

А. М.: Люди моего поколения полностью выброшены из жизни молодых. Ты можешь появиться на сцене только в виде дремучего старца, чтобы получить награду за давно прожитые годы. Такой способ почитания вызывает у меня отвращение. А вот реально попасть в компанию молодых невозможно. Но я себе

придумал способ: буду их учить, и тогда они никуда от меня не денутся. Всякие дискуссии о вражде поколений или дружбе между ними сегодня бессмысленны: для молодежи ничего из предыдущего поколения не существует.

— Это нормальная ситуация?

А. М.: Абсолютно нормальная. Люди предыдущего поколения несут стереотипы, которые не могут нравиться молодым. Вот и получается: если старик богат, он оказывается нужен, потому что будет давать работу. А не богат, так и не нужен. В пору моей молодости отношения между учителем и учеником оставались патриархальными. В закрытом обществе пробиться молодым было значительно труднее, чем сегодня. Но мэтры поддерживали своих учеников. Ярчайшее тому свидетельство — наш круг молодых тогда ребят, учеников Михаила Ромма: Шукшин, Климов, Лариса Шепитько, Володя Меньшов, Андрей Смирнов... Впрочем, уже тогда мы учились не только у Ромма, но и друг у друга. И когда я сегодня учу молодых ребят, то хочу, чтобы они прежде всего общались и обменивались идеями. У тех молодых, которые занимаются изобразительным искусством, как мне кажется, ничего подобного нет.

Е. М.: Да есть, конечно. Но теперь каждый прежде всего пытается определить собственное место — в отличие от прежней социалистической модели, когда индивидуальным интересам предпочитали общественные.

— Может быть, отцы себя попросту исчерпали?

А. М.: Конечно. У «стариков» исчез импульс творчества. Крупнейшим борцам с государством давало силу именно сопротивление. Как только государство развалилось — и врага не стало, исчезла движущая сила творчества.

Но есть и исключения из правил: два самых культовых режиссера — Герман и Норштейн. Конечный продукт не важен, а важна позиция человека, которого ничто не может сломить, который уходит в искусство, создавая свой виртуальный мир, не имеющий никакого отношения к грубой и пошлой реальности. Люди хотят тайны, размышляют о мистическом предназначении художника — это чисто русский синдром.

Е. М.: Но сам-то ты «enfant terrible» своего поколения. Ты поменял розовые очки шестидесятника на микроскоп аналитика массового успеха. И я не думаю, что среди твоего поколения это вызвало положительный отклик.

Ты скорее спровоцировал и разозлил их, а среди молодых приобрел много учеников и сторонников.

Есть ли идеи у молодых

А. М.: То, что значимо для нынешней молодежи, для меня таковым не является. Идеи, равных тем, которые рождались на стыке царской и революционной России (их выразили Эйзенштейн, Довженко, Родченко, Пудовкин, Маяковский), я не вижу совершенно. Впрочем, тогда и подпитка была другая. Художники 20-х противопоставляли себя очень изысканному русскому искусству Серебряного века. А нынешним молодым нечему противостоять, не от чего оттолкнуться, за спиной нет опоры. И, кроме того, идея выживания поглощает все силы — не до протеста!

Е. М.: Но дело попросту в том, что прямолнейный протест в искусстве утратил смысл: если ты протестуешь, это не должна быть забастовка, стачка. Даже в интеллектуальном смысле. Протестовать нужно качественными произведениями. Модель чистой критики уже полностью не работает. Ты ведь сам сказал, что, лишившись этой модели, многие «старые» художники замолчали.

А. М.: Ну, поглядим... С другой стороны, хотя больших идей у молодых и нет, мне нравится то кино, которое делается руками поколения сына и теми, кто еще моложе. Например, фильм моего давнего ученика Гриши Константинопольского «8 1/2 долларов» (там, кстати, Женья был художником). Это, может быть, не очень глубоко, зато — свой, новый язык: стёбовый, ироничный, язык эмоциональной закрытости.

— Есть что-то, что вам не нравится в творчестве сына?

А. М.: Мне непонятен поворот, произошедший в Жениных занятиях. Почему художник, умеющий рисовать сложные большие картины, вдруг перестает этим заниматься? Профессионализм в живописи вдруг обесценился. У Жени была выставка, где демонстрировались исключительно объекты: топор, разрезанный на куски, как селетка, нож, вырастающий из земли, как растение. Предмет как метафора времени. Для них сегодняшнее важно не то, что изображено, а то, как это объясняется. Дураят друг друга... В этом нет того, что для меня называется искусством.

Е. М.: Тут уж я, понятное дело, не согласен совершенно. Сегодня все достаточно плюралистично. Неправда, будто утрачен интерес к изображению. Вопрос только в том, как ты это изображение используешь. Меня интересует целый спектр профессий в границах художественной деятельности. Это и театр, и кино, и телевидение, и интерьерный дизайн. Мне было бы тесно существовать в рамках одного жанра.

Но тех, кто владеет сегодня языком современного искусства, крайне мало. Сейчас динамика идей и качество их воплощения важнее, чем следование какой-то одной идее, одному направлению. Например, если в архитектуре Москвы восторжествует «Новый московский стиль», это будет иметь пе-

чальные последствия для города. Это как раз пример идеи, обретшей определенные идеологические, эстетические и даже экономические очертания. Идеи, которая должна звучать, как голос в хоре, а вместо этого она пытается подавить все остальные голоса.

Семья и мир

А. М.: Про политику мы разговариваем мало. Были, правда, разногласия по поводу войны в Югославии. Я поддерживал позицию НАТО, а Женья — наоборот.

Е. М.: Я считаю, что Америка несомненно преследовала не албанские, а свои собственные интересы.

А. М.: А я очень хорошо понимаю, что Милошевич — фашист, знаю о многолетнем геноциде мусульманского населения. Но теперь ясно, что ситуация неразрешима: наладить отношения между этими столетиями враждующими народами невозможно...

Увы, и Россия может разрушаться очень долго. Процесс только в самом начале. Кончится тем, что мы превратимся в сорок крошечных государств, живущих простым товарообменом. Это будет конец имперских амбиций. Начав разрушаться, империя рухнет полностью, а на обломках я не знаю, что вырастет. Все думают, что Россия по своему мышлению где-то между Европой и Азией, а мне кажется, она идет к Африке.

Е. М.: А я думаю, что Россия никогда не лишится имперских амбиций. Они всегда будут (к сожалению или к счастью). Так что без амбиций мы не останемся, вот без чего другого...

— Александр Наумович, вы навсегда ушли из профессии?

А. М.: Нет, просто моя ментальность не может измениться. Прежде я всегда был добытчиком: знал, что моя картина принесет доход, что я кормлю целые области — ведь деньги от кино возвращались в бюджетную сферу. А теперь я должен стать просителем, замечательно при этом зная, что какую бы хорошую картину ни снял, она дохода не принесет. Оправдываться тем, что я художник, создающий нетленные ценности, как-то не могу.

Сегодня под опекой правительства Москвы и вместе с Авторским телевидением мы организуем киношколу, которая поможет молодым режиссерам реально встать на ноги. Это будет обучение, которого в России пока нет — практической работой. Поэтому наша цель — научить выпускников профессии телевизионного режиссера, а заодно уметь недорого снять качественное кино.

— Женья, а вы не собираетесь вернуться к живописи?

Е. М.: Собираюсь. Перерыв был связан с тем, что я занимался (и занимаюсь) прикладными вещами — дизайном, кино, театром (последняя работа была во МХАТе — спектакль «Максимilian Столпник»). Осенью хочу устроить выставку своих работ, но говорить об этом пока рано.

Наталья
ИВАНОВА-ГЛАДИЛЬЩИКОВА